

Е.Б. Никифорова

ОМОНИМЫ В ИСТОРИИ ЯЗЫКА: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТЕНДЕНЦИЙ (ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Волгоградский государственный педагогический университет

Феномен омонимии существовал уже в древний период истории русского языка. Под омонимами мы понимаем формально единообразные лексемы с одинаковой классемой и принципиально разными архисемами, характеризующиеся различным набором дифференциальных сем.

Наличие омонимов в языке связано с развитием языка, его лексической системы, что является закономерной необходимостью. Но появление среди новых лексем единиц, омонимичных уже существующим, – лишь случайность, сопутствующая указанной закономерности. Напротив, преодоление омонимии является закономерным процессом, обусловленным стремлением языка к ясности и однозначности. Для этой цели привлекаются разнообразные ресурсы языка. Рассмотрим различные способы преодоления омонимии в истории языка.

1. *Изменение морфологической формы омонима.* В древнерусский период в языке сосуществовали омонимы *лоуча1* – ‘луч’ и *лоуча2* – ‘копье’ [1, II, с. 56]. Отметим, что в древний период лексема *луч* имела варианты *лоуча* и *лоучь*: *А иже очима боли то ни самоу тоу свѣтовъноюу лоучоу възирати можетъ* (Изб. 1073, 8); *Явися знамение на небеси, звѣзда хвостата на западѣ лоучь имуща свѣтель* (Новг. 1 лет., 6910). Аналогичные варианты мужского и женского рода существовали и в других древних славянских языках, что отражается в их современном состоянии: в болгарском языке – *лъч*, устар. *лъча*, в сербохорватском – *луча*, в словацком – *лис*. Возможно, в русском языке именно стремление омонимов отмежеваться друг от друга приводит к тому, что вариант, оформленный по типу мужского рода *лоучь*, становится преобладающим, а форма женского рода *лоуча* со временем перестает использоваться: *И сейчас же ясный луч // Появился из-за туч* (Довлатов, «Компромисс»). Впрочем, второй омоним (*лоуча* ‘копье’) также не остается в системе языка. Даже в древний период предпочтительным являлось старославянское заимствование *лоуща*: *(Жена) очима поплъзение, д(о)шамъ пагоуба, с(о)рцю лоущита* (Изб. 1073, 174). Впоследствии данная лексема исчезла из русского языка.

В словарях современного языка зарегистрированы лексемы-омонимы *полоз1* ‘гладкая, скользящая, загнутая спереди пластина, брус, а также вообще узкая скользящая полоса, планка’ и *полоз2* ‘змея семейства ужей’ [2, с. 555]. Оба омонима в прошлом

могли использоваться как в форме единственного, так и в форме множественного числа: *Ни колеса, ни полоза* (‘не на чем выехать’); *крышей подбить, полозом крыть* (‘о бессмыслице’) [3, III, с. 260]; *Упругий снег на улице хрустит, // Под тяжестью полозьев и копыт* (Лермонтов, «Сашка»); *Тогда врани не граахоутъ, галици помлъкоша, сорокы не троскоташа, полозие ползаша только* (СлПИ, 102). Исторически обе лексемы имели вариантные формы множественного числа: *полозы* и *полозья* (*полозия*). В современном языке за лексемой *полоз1* закрепляется грамматическая форма мн. ч. *полозья*, а за *полоз2* – *полозы*, так что в формах мн. ч. лексемы уже не выглядят единообразно и в наше время не могут считаться полными омонимами. Кроме того, в современном языке *полоз1* имеет тенденцию к использованию только в форме мн. ч. (*полозья*), тогда как лексема *полоз2* не имеет ограничений в этом отношении (*полоз* – *полозы*).

2. *Исчезновение одного из омонимов.* Древнерусские глаголы *пахати 1* – ‘взрыхлять землю для посева, обрабатывать землю’ и *пахати 2* – ‘веять, взвиваться’ также являются омонимичными. Различить их можно только в контексте, например: *Паиють нивы своя; ср.: Изъ тоучи выступиша кровавая облака, а изъ нихъ паиоуть синие молнии* [1, II, с. 891]. Первая лексема остается в системе языка, ее основной ЛСВ в современный период – ‘взрыхлять почву’ [2, с. 496]. Кроме того, у лексемы развивается переносное значение: при сохранении архисемы ‘работа’ происходит нейтрализация дифференциальной семы ‘земля, почва’ и актуализация ДС ‘долгая’, ‘тяжелая’, ‘утомительная’; *пахать* – *перен.* ‘много и добросовестно трудиться’: *Поскольку объекты рекрутировались из нашей же творческой среды, они еще и бесстыдно заставляли Лину пахать не свою раскрутку* (Арбатова, «Мне сорок шесть»). Второй омоним исчезает, хотя в языке до сих пор остаются однокорневые глаголы с исконным значением корня: *опахнуть*, *опахало*, *пахнуть* (‘повеять, обдать струей воздуха, тепла, запаха’ и т.п.): *Наконец отворилась наружная дверь, в кухню пахнул белый туман, и вся публика с шумом двинулась из кухни на двор* (Чехов, «Кухарка женится»).

В древнерусском языке существовали два глагола *гостити*. *Гостити1* реализовал значение ‘принимать гостей, угощать’, *гостити2* – ‘торговать,

приезжать, ездить с целью торговли’, например: *Гостиль ли еси с(т)го, гостиль ли еси X(с)а, почль ли еси почтенааго Г(м)ь* (Изб. 1073, 90); *Жена въ добръхъ дьльхъ съвдѣтельствоуема, аште е чада въскръмила, аште е шушдая гостила, аште есть с(т)ымъ нозь оумывала* (Изб. 1073, 171), ср: *А гости нашему гостити межи Суждальскою землею безъ рубежа по царевъ грамотъ* [1, I, с. 569]. С течением времени глагол *гостити2* (‘торговать’) оказывается утраченным. Становится архаичной и лексема *гость* (‘иноземный купец’), оказавшись без поддерживающих ее семантических и словообразовательных связей. Другой омоним *гостити1* (*гостить*) сохраняется, но существенно меняет свое значение. В этом случае можно говорить о развитии энантиосемии: в различных контекстах возможна ориентация и на объект, и на субъект действия. При этом используются разные синтаксические конструкции: старое значение требует дополнения в винительном падеже, а новое – предлога у при дополнении, обозначающем лицо, или *в (на)* при дополнении, обозначающем место. Таким образом, глагол мог выражать как направленность на объект (*гостить кого-л.*), так и представлять состояние субъекта (*гостить где-л., у кого-л.*). Лексема *гостить* в современном языке не вербализует значения ‘принимать, угощать кого-л.’, ее современное значение – ‘пребывать в качестве гостя’: *К отцу Савве Жезлову, престарелому настоятелю Свято-Троицкой церкви в городе П., неожиданно-негаданно прикатил из Москвы сын его Александр, известный московский адвокат... «Долго гостить будешь?»* (Чехов, «Святая простота»).

3. *Исчезновение обоих омонимов.* В древнерусский период в языке сосуществовали лексемы *дебель1* – ‘грубый, жесткий’ и *дебель2* – ‘плоть’: *И взя(т) бо персть о(т) земли роукою... и створи ч(л)ка и взя(т) персть а не гр(д) не дебелю землю, но добру персть; Яко же оубо и X(с)ъ с дебели постави страхъ и муку нео(т)речьну* [4, II, с. 451–452]. В современном языке они не сохранились; имеются лишь производные лексемы *дебелый* ‘полный, упитанный’: [5, I, с. 374] и *дебелость* ‘полнота, тучность’: *Следы франтовства более ясно сохранились в Кузьме Васильевиче. Он до старости носил узкие панталоны со штрипками, перетягивал свой дебелый стан, на затылке стриг, на лбу завивал свои волосы* (Тургенев, «История лейтенанта Ергунова»); *По наружному виду он был такого же высокого роста, так же плотен и расположен к дебелости, как и отец* (Салтыков-Щедрин, «Мелочи жизни»). СОШ регистрирует только лексему *дебелый* с пометой *просторечное [2, с. 155].

4. *Изменение морфемного оформления (словообразовательных аффиксов).* В древнерусском языке зафиксированы омонимы *гоуба1* – ‘губка’, ‘гриб’,

‘залив, губа’ [1, I, с. 606], ср.: *Она же поклонивши главу стояше аки губа напаяема внимаючи оученья* (ЛЛ 1377, 17об.); и *губа2* – ‘пагуба’: *Яко же гоуба безаконныа* [1, I, с. 607]. Дальнейшее развитие этих омонимов представляется следующим. В первом случае лексема *гоуба1* в значении ‘губка’ приобретает суффикс -к- и формально обособляется. *Гоуба1* в значении ‘гриб’ постепенно вытесняется из языка: эта лексема отмечается в МАСе, но уже не фиксируется в более позднем СОШ. Таким образом, лексема *гоуба1* сохраняется в единственном значении ‘залив’. Это значение актуально и в наши дни. Лексема *гоуба2* ‘пагуба’ получает префикс *па-* и дифференцируется от омонимичной формы. Как видим, именно благодаря изменению морфемного состава данные лексемы перестали быть омонимами. В словаре И.И. Срезневского отмечается еще один омоним – *гоуба3* ‘округ’: *А что серебро и хлѣбъ княземъ великимъ не добранъ въ Торьжску или на губахъ, а то княземъ великимъ не надобъ* [1, I, с. 607]. Однако эта лексема регистрируется только в более поздних памятниках, начиная с XV века. Впоследствии она утрачивается, не дойдя до наших дней. СДЯ регистрирует также лексему *гоуба4* – ‘губа’, иллюстрируя ее тремя примерами: *Пьси же мимо ходяще... мл(с)рдие створиши яко же се гоубоу и языкъмъ отирахоу гнои о(т) оудовъ его облизающе врѣдъ* [4, II, с. 402]. В словаре И.И. Срезневского данная лексема не отмечается. П.Я. Черных также считает, что *гоуба* в значении ‘labium’ получила широкое распространение только в XVI–XVII вв. Исконно в древнерусском языке это значение передавалось формой *оустьна* [1, III, с. 1292–1293; 6, I, с. 225].

5. *Изменения фонетического и графического характера.* В связи с изменениями фонетического характера перестают быть омонимами древнерусские лексемы *доити1* – 1. прийти; 2. достигнуть; 3. получить и *доити2* – 1. кормить грудью; 2. доить, ср.: *И скоро доиде Кыева града и сѣде на столъ о(ц)а своего; А кто дѣтя доить, мати или корьмилица* [1, I, с. 691–692]. Исконная лексема *доити* обретает иной фонетический и графический облик – *дойти*.

По свидетельству И.И. Срезневского, омонимами в древний период являлись и лексемы *хламъ1* ‘пожитки’ и *хламъ2* (*хълмъ, холмъ*) ‘гора’ [1, III, с. 1369], ср.: *(Турки) много зла ми учиниши, хлам мои весь к собъ внесли в городъ; Первѣе хлам стялься еси* [1, III, с. 1369]. Лексема *хламъ1* со временем преобразует семантическую структуру, появляется коннотативная сема ‘ненужный, не представляющий ценности’: *хлам* – ‘негодные старые вещи, старье, рухлядь’ [5, IV, с. 601]. *Хламъ2* уступает место варианту *холмъ* (*холм*), и обе лексемы, уже не являясь омонимичными, активно функционируют в русском языке и в наше время: *А пока*

жизнь шла не совсем настоящая, жизнь в ожидании, жизнь на чемоданах, небрежная, легкая – с кучей хлама в коридоре, с полуночными гостями (Толстая, «Огонь и пыль»); Лучшим местом на земле я считал (и считаю до сих пор) холм под стеной Святогорского монастыря на Псковщине, где похоронен Пушкин (Паустовский, «Иван Бунин»).

6. Распределение по разным стилям, оттеснение одного из омонимов на периферию языка. Следует отметить, что многие омонимы относятся к разным сферам (диалектным, профессиональным), используются в разных стилях, принадлежат или к активному, или пассивному запасу языка, о чем свидетельствуют, в частности, словарные пометы. Так, омонимы *спальник1* ‘придворная должность в Русском государстве в конце XV – XVII вв.’ и *спальник2* ‘спальный мешок’ – лексемы, функционирующие в абсолютно разных сферах языка и обозначающие реалии, хронологически не пересекающиеся. Трудно представить себе контекст, в котором бы они могли сосуществовать. Первая лексема является историзмом, что определяет специфику ее употребления и ограничивает частотность, вторая лексема функционирует лишь в разговорном стиле, ср.: *Царь лишь только пробудился, // Спальник наш к нему явился, // Стукнул крепко об пол лбом // И запел царю потом: «...»* (Ершов, «Конек-Горбунок»); *Когда разбирали спальные мешки, радист из Семкиных рук вырвал спальник из верблюжьей шерсти, подал ватный* (Колыхалов, «У подножия солнца»).

Интересна история омонимичной пары *градъ1* – *градъ2*. *Градъ1* – 1. град; 2. буря, гроза, *градъ2* – 1. ограда; 2. крепость; 3. город [4, II, с. 378–379]: *Ляхове пуцахуть на ня камень акы градъ сильный* (ИЛ 1425, 6789); *Прия власть Рюрикъ и раздая мужемъ своимъ грады* (ЛЛ 1377, 6370). Первая лексема *градъ1* (‘град’) сохранилась в морфологической форме единственного числа и дошла до наших дней, а вторая *градъ2*, являющаяся южнославянским заимствованием, уступила место исконно русской *городъ*. Возможно, одной из причин такого предпочтения в паре полногласных // неполногласных форм от корня **gord-* (*городъ* – *градъ* ‘город’) явилось и отсутствие омонимов у восточнославянской формы. Лексема *град2* также существует в современном языке, однако она оттеснена на периферию русского литературного языка, является стилистически маркированной: *град2* отмечается в словарях как *устаревшее и *высокое.

Прилагательные *железистый1* и *железистый2* – омонимы, произведенные от лексем *железо* и *железа* при помощи суффикса *-ист-*. Но оба они в словарях маркированы как *специальные (соответственно используются в химической и медицинской областях) [2, с. 190]. Лексемы *жарок1* ‘травянистое растение семейства лютиковых с яркими

желтыми цветками’ и *жарок2* уменьшительное от *жар* также являются омонимами, однако *жарок1* (цветок) маркировано как *областное. Это диалектное наименование, в литературном языке оно не отмечается. Глагол *палить1* ‘жечь’ относится к нейтральной лексике, а *палить2* ‘стрелять залпами’ – к разговорной [2, с. 490].

В словаре современного языка зарегистрированы три омонима *червонный*. *Червонный1* ‘красный, алый’ маркируется как *устаревшее и *высокое, что объясняет редкость его употребления. *Червонный2* – прилагательное к *червонец* также является мало употребительным, в частности, из-за оттеснения в последнее время лексемы *червонец* из сферы активного использования в связи с экстралингвистической ситуацией. *Червонный3* – прилагательное к *черви* (‘в игральные карты: название красной масти с изображением сердечек’) тяготеет к терминологическому наименованию [2, с. 880].

Некоторым словам суждена долгая жизнь в языке, другим – всего несколько десятилетий. МАС регистрирует омонимы *спортсменка1* (жен. к *спортсмен* от англ. *sportsman*) – ‘тот, кто систематически или профессионально занимается спортом’ и *спортсменка2* (мн. *спортсменки*) разг. ‘легкие туфли для занятий спортом’ [5, IV, с. 229–230]. Вторая лексема появилась в языке только в XX в. (так же, как и первая), однако уже сейчас она является архаичной, не используется в речи и не фиксируется более поздними словарями [2].

Таким образом, если омонимы все же сосуществуют, они часто распределяются по разным стилям, сферам, сегментам языка.

7. Ограничения синтаксического характера. Лексемы-омонимы характеризуются не только разным значением, но и достаточно часто – разными синтаксическими связями. Иногда один из омонимов может быть связанным и употребляться только в определенных сочетаниях с ограниченным кругом лексем (или в составе фразеологических выражений). Другой из пары омонимов обычно более синтаксически независим. Так, пара омонимов *походить1* ‘быть похожим, сходным с кем-н.’ и *походить2* ‘ходить некоторое время’ различается синтаксическим управлением. Глагол *походить1* предполагает обязательный предлог *на* плюс существительное (местоимение) в винительном падеже: *походить на кого-то* (ср. *быть похожим на кого-то*): *Он очень походил лицом на своего сына, только лоб у него был ниже и уже, и рот немного шире* (Тургенев, «Отцы и дети»). Глагол *походить2* имеет более разнообразные связи и отношения: *походить по магазинам, походить еще сезон в старых сапогах, походить в начальниках, часы походили и стали*.

МАС регистрирует два омонима: *погибель1* ‘гибель’ и *погибель2*, который может использоваться

только в связанном выражении *согнуть в три погубели* ‘сильно нагнуть’ и *перен.* ‘смирить строгостью, притеснениями’, ср.: *Так вот где таилась погубель моя! // Мне смертию кость угрожала* (Пушкин, «Песнь о вещем Олеге»); *Будет бить тебя муж-привередник, // И свекровь в три погубели гнуть* (Некрасов, «Тройка»).

Западноевропейское заимствование из греческого *театр* (сначала в форме *театрум*) зарегистрировано в нашем языке с конца XVII в. В современном языке, по свидетельству СОШ, сосуществует три омонима: *театр1* – «1. искусство представления драматических произведений на сцене; само такое представление; 2. зрелищное предприятие, помещение, где представляются на сцене такие произведения; 3. совокупность драматических произведений какого-н. писателя или направления, школы»; *театр2* – «*спец. Театр военных действий* – территория, где происходят военные действия; 2. *театр войны* – территория, объединяющая несколько театров военных действий»; *театр3* – «*устар. анатомический театр* – помещение для анатомирования трупов» [2, с. 791]: *Ехал он и размышлял о той пользе, какую приносили бы театры, если бы в них давали пьесы нравственного содержания* (Чехов, «Винт»); «*Эдакое богатое тело! – продолжал Базаров. – Хоть сейчас в анатомический театр*» (Тургенев, «Отцы и дети»). В наше время только *театр1* функционирует как свободная лексема, *театр2* и *театр3* могут выступать лишь в связанных выражениях, их сочетаемость ограничена указанными в словаре лексемами. Кроме того, *театр2* предполагает однотипное синтаксическое управление: театр чего? военных действий, войны. *Театр3* является архаизмом и в современном языке практически не употребляется.

Таким образом, язык пытается избавиться от омонимичных форм, используя разные возможности, активизируя все свои ресурсы. Тем не менее в ряде случаев можно говорить о сохранении омонимов с древнего периода до наших дней. Так, омонимы *мир1* и *мир2* известны с давних пор: и в древнерусском языке лексемы *миръ1* и *миръ2* [1, II, с. 148] также являлись омонимами. Более того, на протяжении всего времени существования в языке образуются все новые омонимичные пары. К появлению омонимов в языке приводят случайные совпадения. Отметим пути возникновения омонимических пар.

1. *Фонетические и графические преобразования.* Такие омонимы возникали в древнерусском языке в результате различных фонетических процессов: перехода «юса большого» и «юса малого» соответственно в «у» и «а» после мягкого, перехода «ъ» и «ь» в «о» и «э» в сильных позициях, оглушения на конце слова или ассимиляции по глухости-звонкости,

нашедшей свое отражение в графическом оформлении слова, и т.д. Так, в индоевропейских глаголах **gin-ti* и **gim-ti* в поздний праславянский период под действием тенденции к построению слога по восходящей звучности происходит монофтонгизация дифтонгических сочетаний **in* и **im*, в результате чего возникают омонимичные формы *жАти* («сжинать») и *жАти* («сжимать»). Эти омонимы дошли до наших дней *жать1* («срезать под корень») и *жать2* («давить») [2, с. 190].

В словарях древнерусского языка зарегистрированы омонимичные лексемы *дружь1* и *дружь2*: *дружь1* – 1. друг; 2. товарищ; 3. слуга; 4. близкий; *дружь2* – кол, палица [1, I, с. 726–727]. Следует отметить, что исторически это были разнооформленные лексемы: **druug-* и **drong-*. Омонимичными данные лексемы стали именно в древнерусский период в результате утраты носовых звуков и перехода «юса большого» в «у» (вторая половина X в.) **drong* – *дръжъ* – *дружь* (ср. **druug* – *дружь*). Однако далее берет верх тенденция к дифференциации омонимичных форм. Лексема *друж2* в результате дальнейших фонетических преобразований (оглушения в конце слова в связи с утратой конечного *ъ*) приобретает графическую форму *друж* (или *друк*). По мнению М. Фасмера, определенную роль сыграла также аналогия с лексемой *сук* (**sonk-*). Кроме того, эта лексема оттесняется на периферию языка. Она не регистрируется в словарях современного литературного языка, хотя сохранилась в диалектах, зарегистрирована в словаре В.И. Даля, в художественных текстах: *По хатам голосили женщины. Мужики понуро сидели на завалинках, прячась от ветра, ковыряли палками-дрючками землю и изредка говорили: «Каменюка, а не земля!»* (Паустовский, «Планета Марс»).

2. *Совпадение в процессе словообразования.* Еще в давние времена сложилась пара омонимов *рысь1* «способ бега» и *рысь2* – «животное», дошедшая до нашего времени: *Стройная английская кобыла шла под нею эластической широкой рысью, круто собрав шею и высоко подымая тонкие, сухие ноги* (Куприн, «Молох»); *А рысь в питомнике не разведешь. Она ходит на воле, охотится на зверя и человека, пьет живую горячую кровь* (Токарева, «Птица счастья»). Отметим, что данные омонимы образованы от разных основ. *Рысь1* связано с глаголом *ристать* («бегать, быстро ходить, скакать, прыгать»), где *-ры-*, по мнению этимологов, представляет собой диалектное развитие *-ри-* [7, III, с. 531]. *Рысь2* является однокорневым образованием в ряду родственных лексем *рыжий*, *руда*, *рдеть* и обозначало, вероятно, признак животного – «рыжий, пятнистый» (**rusъ*) [7, III, с. 530]. *Оустремил бо ся баше на поганья, яко и левъ, сердить же бы(с), яко и рысь* (ИЛ 1425, 6709).

В процессе словообразования появились омонимы *папочка1* и *папочка2* при помощи суффикса *-очк-* от разных основ (уменьшительно-ласкательное от слов *папа* и *папка*); омонимы *обвесить1* ‘отпустить товар, недовесив’ и *обвесить2* – ‘разг. обвешать кого-н., что-н. чем.’ (префикс *об-* и суффикс *-и-*); *погодный1* от *год* (‘производимый по годам’) и *погодный2* от *погода*; *романист1* ‘писатель – автор романов’ и *романист2* ‘ученый – специалист по романской филологии, романской культуре’; *сдача1* – производное от *сдать* и *сдача2* – производное от *сдаться* и многие другие.

3. *Займствование из других языков.* В древнерусском языке функционировала лексема *рота* – ‘клятва, присяга, клятвенное удостоверение’: *И потомъ Татарове створиша леств, роту свою измѣниша, а клятву преступиша* [1, III, с. 176]. Лексема входила в соответствующее словообразовательное гнездо: в языке отмечены лексемы *ротитися* ‘клясться’, *ротъникъ* ‘клянущийся’, *ротъница* ‘место клятвы’, *ротънии* ‘клятвенный’ и другие. Позже в языке появилась заимствованная из польского лексема *рота* ‘отряд солдат’, и таким образом возникла новая омонимичная пара *рота1* и *рота2*. В современном русском языке исконное слово *рота* и его производные больше не используются, а заимствованное *рота* ‘войсковое подразделение, входящее обычно в состав батальона’ употребляется достаточно активно. Соответственно, например, прилагательное *ротный* реализует значение «имеющий отношение к роте (отряду солдат)», а не «имеющий отношение к роте (клятве)», например: *(Савельцев), заведя ротным хозяйством, людей содержал дурно и был нечист на руку* (Салтыков-Щедрин, «Пошехонская старина»).

В омонимической паре могут быть заимствованными оба слова, причем как из одного и того же, так и из разных языков. Так, из английского языка были заимствованы омонимы *бокс1* ‘вид спорта: единоборство – кулачный бой в специальных боксерских перчатках’ и *бокс2* – ‘изолятор в лечебном учреждении’ (от англ. *box* ‘удар’ и *box* ‘коробка, ящик’). Лексема *люкс1* – *спец.* ‘единица освещенности в Международной системе единиц’ перешла из латинского *lux* ‘свет’, а омонимичная ей *люкс2* ‘высшего класса, разряда, сорта’ – из французского *luxе* ‘роскошь’. Случайно совпали пришедшие из французского *лига1* ‘союз, объединение, сообщество’ (франц. *ligue* ‘связывать’), итальянское заимствование *лига2* ‘в нотном письме: знак в виде дуги над нотами, обозначающий, что надо играть *легато*’ (итал. *liga* ‘связь’), и английское *лига3* ‘единица длины в Великобритании и США (4,828 км)’ (англ. *league*). В современном русском языке сосуществуют омонимы *капот1* – **спец.* ‘откидная крышка в различных механизмах’ и *капот2* – **устар.* ‘женская домашняя одежда свободного по-

роя, род халата’ [2, с. 265], например: *Лифшиц... двинулся к машине. Сесть на корточках перед капотом ему еще удалось, но уже открыть – нет* (Арбатова, Любовь к американским автомобилям); *На ней был утренний капот-распашонка, и волос она не успела причесать* (Тургенев, «Несчастливая»).

Займствованные лексемы, ассимилировавшись в русском языке, ведут себя так же, как и исконные: они могут менять со временем свое значение, оставаться общеупотребительными или специальными или переходить в другие сферы, утрачиваться, устаревать или оставаться в активном запасе русского языка.

4. *Расхождение значений единого прежде слова в связи с дифференциацией его значений.* Некоторые лексемы в процессе исторического развития образуют омонимы. Древнерусское слово, зарегистрированное в словарях древнерусского языка как полисемантическое, в результате последующей дифференциации и расхождения значений распадается на омонимичные формы. Древнерусская лексема *оувязати* в древнерусском языке реализовала два достаточно близких значения: 1. опутывать и 2. запутываться. Ср.: *Паучинами оувязаети немощьъишия; Оувязаютъ въ совѣтъхъ, яже помышляють* [1, III, с. 1129]. В современном русском языке, по свидетельству толковых словарей, функционируют омонимичные глаголы *увязать1* – 1. связать, соединить в одно, обмотать; 2. *пер.* согласовать и *увязать2* – вязнуть [2, с. 823]. Ср.: *В ящике были провернуты дыры для воздуха, и сверху и с боков ящик должен был быть покрыт рогожей и увязан веревками* (Толстой, За что?); *«Увяз, любезный друг, по уши увяз, – думал Обломов, провожая его глазами. – И слеп, и глух, и нем для всего остального в мире»* (Гончаров, «Обломов»).

Во многих случаях мы имеем дело не с одним каким-то процессом, но со сложным взаимодействием разных, зачастую противоположных тенденций и процессов. Так, например, в древнерусском языке существовали варианты лексемы *роля* и *ролия* ‘нива, пашня’, например: *И почаша думати и г(л)ти дружина С(т)ополча, яко не годно нынѣ, веснѣ, ити хоче(м) на смерды и погубити ѣ и ролю ихъ* (ЛЛ 1377, 6611); *Дали есьмо съ мины, съ польми, съ ролями, съ сѣножатми* [1, III, с. 164]. Позже в русском языке утверждаются заимствования: варианты *роль* (из франц. *role*) и *роля* (из немецк. *Rolle*). В языке XIX в. *роля2* (*роль*) – 1. лицо, представляемое актером; 2. слова лица, представляемого актером; 3. *перен.* образ представления себя в свете [8, II, с. 71], например: *Так иногда среди нашей сцены // Плохой титомец Мельпомены // Внезапным свистом оглушен, // Уж ничего не видит он, // Бледнеет, ролю забывает* (Пушкин, «Руслан и Людмила»). Впоследствии из вариантов этого слова *роля* и *роль* утверждается последняя, возможно, и из-за стремления языка дифференцировать ис-

конную и заимствованную лексему: *Вся роль Лидочки заключалась в каких-нибудь двух-трех десятках реплик, чрезвычайно живых и кокетливых* (Куприн, К славе). Исконная лексема *роля1* оттесняется на периферию языка, отмечается в словаре XIX в. как устаревшая: *роля1 – стар.* 1. то же, что *роля* (пашня); 2. время оранья земли (пашни) [8, II, с. 71]. В современном русском языке исконная лексема *роля* (пашня) утрачена; она не регистрируется словарями русского языка. Таким образом, пара омонимов *роля1* и *роля2* перестает существовать: один омоним утрачивается, второй получает другое оформление. Однако лексема *роль1* (утвердившаяся именно в форме *роль*, а не *роля*) получает новый омоним в лице заимствованной из немецкого языка лексемы *роль2* – ‘цилиндр, вал в механизмах’. Омони́мия преодолевается путем преобразования данной лексемы в *рол* [2, с. 683] и оттеснения ее в сферу профессиональной (специальной) лексики.

Таким образом, в языке перманентно действуют две разнонаправленные тенденции: тенденция к разрушению омонимических пар и тенденция к их появлению. Процесс возникновения омонимов представляется случайным, тогда как процесс избавления языка от омонимичных форм – закономерным. Омони́мы возникают в языке в связи с появлением новых слов (образованных в системе русского или заимствованных), без чего невозможно развитие и функционирование лексической систе-

мы языка; в конечном счете наличие омонимов в языке обусловлено его развитием. Однако появление среди новых единиц лексем, омонимичных уже существующим, – лишь сопутствующая указанной закономерности (развитию языка) случайность. Преодоление же омони́мии является закономерным процессом, обусловленным стремлением языка к ясности и однозначности, к удобству говорящих и слушающих. Для этой цели, как мы отмечали, привлекаются все ресурсы языка: морфемные (использование различных аффиксов), морфологические (ограничение форм числа, другой род), стилистические (оттеснение на периферию литературного языка), синтаксические (ограничение сочетаемости), лексические (устаревание, исчезновение лексем), фонетические изменения. Тенденция к устранению омонимов проявляется достаточно мягко и постепенно, речь не идет о жесткой необходимости тотального уничтожения омонимов любыми способами, поскольку в абсолютном большинстве контекстов значение лексемы проявляется однозначно и проблема омони́мии нейтрализуется.

Именно взаимодействие обеих тенденций обеспечивает наличие омонимов в любой период истории языка: какие-то омонимические пары находятся в стадии возникновения и формирования, какие-то – в стадии разрушения и исчезновения, а некоторые представляются достаточно устойчивыми на том или ином хронологическом отрезке развития языка.

Литература

1. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1955.
4. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв): в 10 т. Т. I–IV. М., 1988–91.
5. Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981–1984.
6. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1993.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986–1987.
8. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук. Репринтное издание: в 2 кн. СПб., 2001.

Источники и принятые сокращения

- Изб. 1073 – Изборник великого князя Святослава 1073 года. Факсимильное издание. М.: Книга, 1983.
- ИЛ 1425 – Ипатьевская летопись ок. 1425 // Полн. собр. рус. летописей. М.: Яз. рус. культуры, 1998. Т. 2.
- ЛЛ 1377 – Лаврентьевская летопись 1377 г. (Полное собрание русских летописей. Том первый). М.: Языки русской культуры, 1997.
- Новг. I Л. – Новгородская первая летопись по Синодальному списку, ок. 1330 // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. А.Н. Насонова. М.-Л., 1950. Репр. изд.: М., 2000.
- ПНЧ XIV – Пандекты Никона Черногорца. Рукопись Пандектов XIV в. Чудова монастыря.
- СлПИ – Слово о полку Игореве. М., 1979.
- СОШ – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003.
- СДЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв): в 10 т. Т. I–IV. М., 1988–91.